

Андрей Медведев: История проблемы использования трансграничных водных ресурсов ЦА и роль нерегиональных партнеров в их разрешении

Сегодня в использовании трансграничных рек ЦА заключен значительный конфликтный потенциал, и в зависимости от складывающейся политической ситуации **водные ресурсы региона могут стать факторами сближения или дезинтеграции государств Центральной Азии.**

Бассейн Аральского моря представляет собой уникальную экологическую систему: Амударья и Сырдарья, берущие начало в горах Тянь-Шаня и Памира, связывают шесть стран Центральной Азии, включая Афганистан. Страны региона находятся в тесной взаимной зависимости в вопросах использования трансграничных водных ресурсов, 80% которых формируется в верховьях рек на территориях Таджикистана и Киргизии, а в Казахстане, Туркменистане и Узбекистане сосредоточено около 85 % площадей орошаемого земледелия, на которое уходит до 90 % ежегодного поверхностного стока бассейна Аральского моря. При этом орошаемое земледелие дает около 30% ВВП и обеспечивает занятость более 60% населения региона.

Бассейн Аральского моря является одним из крупных и древнейших регионов орошаемого земледелия в мире. Здесь орошаемое земледелие начало интенсивно развиваться в X - XI веках. В то время на территориях нынешних Джизакской и Самаркандской областей Узбекистана были сооружены знаменитые плотины Абдулл-Хан и Банди, которые считаются гидротехническими сооружениями исторического значения.

В последние годы на постсоветском пространстве весьма популярны дискуссии о сущности колониальной политики Российской империи конца XIX века. Но на примере развития ирригационной системы Средней Азии можно говорить о том, что экспансия царской России в регион не только нарушила затянувшиеся феодальные традиции Бухарского эмирата, Хивинского и Кокандского Ханств, но и прямо способствовала расцвету орошаемого земледелия в наглухо изолированном Туркестане. В период с 1895 по 1915 годы российской государственной казной было выделено на нужды орошаемого земледелия Средней Азии 36,4 миллиона рублей. И эта сумма была лишь малой толикой по сравнению с капиталами частного российского бизнеса, вложенными в Ферганскую долину в связи с «хлопковой» лихорадкой. За весьма непродолжительный период было дополнительно освоено 330 тысяч гектаров орошаемых земель, засеянных экспериментальными для региона сортами хлопка (привезенного из Америки), запущено около 60 хлопкоочистительных заводов и создан устойчивый транспортный маршрут из Туркестана к российским текстильным предприятиям. Если оставить в стороне оценки по поводу того, хорош или плох был «колониальный период» для Средней Азии, то следует сказать, что к началу XX века жители региона обрабатывали уже около 2,5 – 3,5 млн. га плодородных орошаемых земель, оснащенных эффективной для того времени оросительной системой.

В рамках одного выступления весьма сложно дать развернутую оценку советскому периоду. Этой теме необходимо посвятить отдельное исследование, и не одно. Выделю всего лишь несколько тезисов. Принятая руководством СССР в 40-е годы прошлого века и достаточно успешно реализованная амбициозная программа развития орошаемого земледелия Средней Азии дала неоспоримый импульс развитию экономик среднеазиатских республик. Хлопководство, рисоводство, выращивание пшеницы, пастбищное скотоводство и иные отрасли сельского хозяйства начали развиваться небывалыми темпами, и это является неоспоримым фактом.

В период СССР были построены крупнейшие по мировым меркам водохозяйственные и оросительные системы:

- русловые и наливные водохранилища комплексного назначения;
- свыше 90 гидроузлов (Кызыл-Ординский, Казалинский, Тахиаташский, Каршинский и другие);
- более 10 магистральных каналов большой протяженности (Большой Ферганский канал, Большой Андижанский канал, Южноголостепеский, Ташсакинский, Вахшский, Кызыл-Ординский, Каракумский, а также каналы с машинным водоподъемом - Аму-Бухарский, Каршинский, Шерабадский и другие);
- десятки тысяч гидросооружений на оросительной сети.

Однако все начало меняться в худшую сторону в 60-е годы прошлого столетия. В условиях «холодной войны» остро встал вопрос о необходимости обеспечения собственным хлопком СССР и СЭВ. В ходе Майского (1966 года) Пленума ЦК КПСС были приняты соответствующие решения, давшие старт еще более амбициозной программе по развитию орошаемого земледелия Средней Азии. В ходе ее реализации только в период с 1966 по 1980 год (за три пятилетних плана) прирост орошаемых земель составил более 2 млн. га. Если, как было сказано выше, к началу XX века площадь орошаемых земель находилась на уровне до 3,5 млн. га, то к концу века она увеличилась в 2,3 раза, достигнув показателя в 8 млн. га. Соответственно в период с 1960 по 1990 годы ежегодно рос объем суммарного водозабора в бассейне Аральского моря, быстрыми темпами увеличившись с 60,6 до 116,2 куб. км в год, т.е. в 1,8 раза. В итоге объем суммарного водозабора сравнялся со среднегодовым значением стока поверхностных водных ресурсов, формирующихся за счет Амударьи и Сырдарьи. Таким образом, былой успех обратился в экологическую катастрофу – экстенсивное развитие орошаемого земледелия превысило возможности экосистемы. За 40 лет площадь Арала, третьего по величине озера в мире сократилась на три четверти, соленость его вод выросла в 15 раз, а в 1989 году озеро разделилось на две части – Большой и Малый Арал.

На самом деле проблема Арала не является единственной в мире экологической катастрофой подобного масштаба. В современной истории негативных примеров достаточно: это и озеро Чад, это и воды Рио-Гранде, Рейна, Дуная, еще многих рек и закрытых водоемов. В этом плане можно сказать, что бассейну Аральского моря даже еще повезло – его хрупкое экологическое равновесие продержалось дольше всех – до середины 60-х годов XX столетия. Однако утешаться этим не стоит, потому что из причин гибели Аральского моря не были сделаны соответствующие выводы.

В следующем году мы отметим юбилей распада Советского Союза, но до сих пор в регионе попытки экстенсивными методами развивать орошаемое земледелие продолжают. Все без исключения страны региона в своих национальных стратегиях развития предусматривают дальнейшее расширение орошаемых площадей. Так, если к настоящему году их суммарная площадь составляет около 8,7 млн. га (Казахстан – около 0,8; Кыргызстан – около 0,4; Таджикистан – около 1,0; Туркменистан – примерно 2,2; Узбекистан – примерно 4,3), то к 2025 году (при условии выполнения намеченных национальных планов) могут превысить 11,8 (Казахстан – 0,82; Кыргызстан – 0,47, Таджикистан – 1,2; Туркменистан – 2,8, Узбекистан – 6,5).

На сегодняшний момент вододелие между странами бассейна Аральского моря выглядит примерно следующим образом: Узбекистан забирает около 53%, Туркменистан 20%, Таджикистан и Казахстан по 10%, Кыргызстан менее 5% и Афганистан около 2%.

При этом возможности экосистемы учитываются в основном лишь на словах, что продолжает подвергать регион реальным рискам социального напряжения, эскалации экологических кризисов, создавать угрозы региональной безопасности.

Не получается пока и совместно осваивать гидроэнергетические ресурсы региона. Хотя именно данное направление видится наиболее логичным, и с точки зрения решения проблемы занятости населения, и развития его промышленного потенциала, и повышения в целом социально-экономической стабильности, и многого другого, так как:

- орошаемое земледелие и ирригация уже исчерпали имеющиеся ресурсы, поэтому непонятно из каких расчетов строились национальные стратегии развития – ведь для их суммарной реализации необходимо, как минимум, в полтора раза больше воды, чем ее есть сейчас в наличии в бассейне Аральского моря. Ориентация и в дальнейшем на использование водных ресурсов преимущественно для орошаемого земледелия видится тупиковым путем развития. Т.е. дальнейшее развитие орошаемого земледелия одними странами может идти только за счет интересов остальных, либо очень существенного сокращения площадей орошения технических культур, прежде всего хлопка, в пользу производства сельскохозяйственной продукции, обеспечивающей продовольственную безопасность стран;

- гидроэнергетические ресурсы освоены лишь частично, при том, что прибыль только одной крупной ГЭС, такой как Нурекская, даже при нынешних низких тарифах на электроэнергию, превышает стоимость всего урожая хлопка в Таджикистане;

- Возобновляемый гидроэнергетический потенциал региона оценивается в 460 млрд. кВт/ч в год, но в настоящее время задействован менее 10% данного потенциала. И сегодня доля гидроэнергии составляет всего 27,3 % от общей потребляемой регионом электроэнергии. Этот показатель является весьма низким (для сравнения - в 24 странах, в числе которых, например Бразилия и Норвегия, основная часть плотин построена для получения гидроэнергии, и ее доля в энергетическом балансе составляет более 90% всей производимой в этих странах электроэнергии);

- только в одном Таджикистане возможно строительство более 80 крупных ГЭС, однако ни Таджикистан, ни тем более Киргизия не способны построить за счет исключительно собственных средств ни одного крупного гидроузла. Совместное инвестирование в новые гидроэнергетические объекты в Киргизии и Таджикистане

способствовало бы реальной интеграции (регионализации) стран ЦА, в том числе – интеграции с Россией, Китаем и ЕС;

- при правильном отношении гидроэнергетика не только не является конкурентом ирригации, но в большей степени может быть ее эффективным помощником;

При этом сегодня в ЦА мы наблюдаем довольно странную ситуацию:

- большинство стран региона признает несовершенство национальных систем управления водными ресурсами и декларирует готовность проводить реформы в этой сфере;

- международные финансовые агентства и фонды, агентства развития нескольких европейских стран, США, Канады, Японии демонстрируют серьезную заинтересованность в ускоренном реформировании национальных систем управления водными ресурсами, и оказывают финансовую, техническую, организационную поддержку;

- в мире общая тенденция заключается в стремлении большинства государств к урегулированию спорных вопросов в отношении использования трансграничных водных ресурсов. И, несмотря на то, что за последние 60 неполных лет имели место более 500 конфликтных ситуаций в отношении трансграничных водных ресурсов, 39 из которых (30 - на Ближнем Востоке) закончились локальными стычками, за тот же период было подписано более 200 договоров по совместному использованию водных ресурсов.

- в каждой стране еще достаточно высокопрофессиональных специалистов, способных обобщить выработанный мировым сообществом опыт и предложить своему правительству наиболее предпочтительный вариант институциональных моделей управления водными ресурсами, как на национальном, так и региональном уровнях

Тем не менее, рядом экспертов, политиков, но в большей степени журналистами с завидной регулярностью в отношении ЦА высказываются определенные опасения войны за водные ресурсы. На самом деле мы сегодня наблюдаем пока конфликт между гидроэнергетикой и ирригацией, хотя достижение согласованного механизма совместного водопользования становится все более проблематичным.

Различия в сезонных потребностях в воде сформировали основное противоречие между двумя группами стран в подходах к использованию трансграничных водных ресурсов. Дефицитность воды увеличивается вследствие роста численности населения, развития промышленного и сельскохозяйственного производства и увеличения площадей орошаемого земледелия. При этом регулирование расхода воды при эксплуатации ГЭС остается также одной из главных и наиболее актуальных проблем для стран ЦА и обуславливает противоречивость интересов стран «верхнего» и «нижнего» течения. Поэтому вопросы строительства крупных гидроузлов на протяжении долгих лет стали предметом острой полемики между первыми лицами государств, которая приобрела весьма опасную остроту особенно во взаимоотношениях президентов Таджикистана и Узбекистана.

В советские времена, в условиях единого государства и плановой экономики, была выстроена достаточно эффективная система распределения водных ресурсов, как для нужд ирригации, так и для получения электроэнергии. Развитие энергетики велось на плановой и научной основе. К 1990 году суммарное производство электроэнергии в регионе почти достигло 190 млрд. кВт/ч в год. Что очень важно – была создана единая энергосистема, которая в советское время надежно обеспечивала стабильность энергоснабжения. За счет единой энергосистемы была достигнута взаимная компенсация между ГЭС Кыргызстана и Таджикистана и ТЭС Казахстана, Туркменистана и Узбекистана.

Необходимо отметить, что опыт советской гидрологической школы был хорошо известен и признан в мире. Несмотря на «железный занавес» и условия «холодной войны», выполняемые в СССР работы по оценке водных ресурсов, теории и практике дренажа, строительству высоких плотин (Нурек, Токтогул, Братск, и другие) имели широкую мировую известность и пользовались спросом. Советские специалисты водохозяйственной деятельности возводили объекты за рубежом не только в странах социалистической ориентации, каковыми являлись Вьетнам и Северная Корея, но и в Египте, Сирии, Мозамбике, Йемене, Ираке и других. В 1967 году премьер-министр Турции Сулейман Демирель, посетив Узбекскую ССР и ознакомившись с масштабами освоения Голодной Степи, в книге отзывов почетных гостей написал: «Правители, которые хотят дать своим народам хлеб, работу и возможность счастливо развиваться, должны приехать сюда и взять на вооружение этот замечательный опыт социального преобразования своих стран».

Необходимо отметить, что по прошествии почти 20 лет с распада СССР, несмотря на все старания стран региона, а также международных доноров и международных структур в целом структура управления водохозяйственным комплексом ЦА, практически осталась в том же виде. Ее основные ныне действующие элементы, такие как Межгосударственная координационная водохозяйственная комиссия (МКВК), Бассейновые водохозяйственные объединения (БВО) «Амударья» и «Сырдарья», были задуманы еще в

советское время, и лишь распад СССР не позволит их сформировать окончательно. К ним лишь добавился Международный Фонд Спасения Арала, который стал политической площадкой для встреч президентов пяти постсоветских государств.

В дополнение к данному тезису привожу перечень нормативно-правовых документов, принятых еще во времена СССР, которые до сих пор входят в законодательную базу взаимоотношений между государствами ЦА.

- 1) Заключение экспертной подкомиссии Государственной экспертной комиссии Госплана СССР от 12.04.1982 г.
- 2) «Утверждение принципов межреспубликанского водodelения ресурсов бассейна р. Сырдарья», протокол Научно-технического Совета Минводхоза СССР № 413 ОТ 29. 02. 1984г.
- 3) «Утверждение принципов межреспубликанского водodelения ресурсов бассейна р. Амударья», протокол Научно-технического Совета Минводхоза СССР № 566 ОТ 10. 09. 1987 Г.
- 4) Постановление № 11 Государственной экспертной комиссии Госплана СССР от 5. 05.1982 г.

Распад СССР и появление 5 независимых государств внесли существенные коррективы во всю водохозяйственную деятельность, которая приобрела межгосударственный характер. Фактически сразу возникли проблемы собственности на объекты одного государства, расположенные на территории другого. Например, Фархадский гидроузел, водозаборная плотина которого находится на территории Таджикистана, а ГЭС – на территории Узбекистана. Туямунский гидроузел расположен на территории Туркменистана, но принадлежит Узбекистану; Андижанская ГЭС принадлежит Узбекистану, но ее водохранилище подтапливает земли Кыргызстана; принадлежащие Узбекистану линии электропередач пересекали территорию Таджикистана. От работы Токтогульского (Кыргызстан), Кайракумского (Таджикистан), Чарвакского (Узбекистан) водохранилищ, а также межгосударственных каналов, проходящих через Узбекистан, зависит водообеспечение Южного Казахстана. На территории Туркменистана находится более половины акватории Туямунского гидроузла, который обеспечивает водой Республику Каракалпакстан и Хорезм. На территории Туркменистана также расположены головные водозаборы и иная инфраструктура Аму-Бухарского машинного и Каршинского магистральных каналов, от которых зависят поставки воды в Бухарскую, Навоийскую и Кашкадарьинскую области Узбекистана.

Приведенный перечень подобных объектов не является исчерпывающим. Деятельность каждого требует заключения отдельного специального соглашения. А с учетом того, что страны «верховья» Кыргызстан и Таджикистан имеют различные интересы со странами «низовья» Казахстаном, Туркменистаном и Узбекистаном, то заключение соглашений по режиму работы водохранилищ требует неимоверных усилий, не говоря уже о механизме взаимодействия в совместном использовании и освоении водно-энергетических ресурсов в масштабе всего бассейна Аральского моря.

С распадом СССР 12 рек, 8 водохранилищ, 16 крупных коллекторов, 4 водозаборных сооружения, 8 крупных станций и более 60 малых рек и ирригационных каналов оказались расположенными на границах двух-трех государств Центральной Азии и стали трансграничными.

Необходимо также понимать, что Токтогульское, Андижанское, Кайракумское, Орто-Токойское и ряд иных водохранилищ изначально проектировались как сооружения межреспубликанского значения. На данный момент они продолжают выполнять функции в интересах нескольких государств, однако уже почти 20 лет содержатся за счет стран-владельцев. Несмотря на все усилия, до сих пор не достигнуто результата в урегулировании режима работы Нижне-Нарынского каскада ГЭС. Еще более остро стоит вопрос о выработке согласованного подхода, определяющего порядок и условия возведения новых объектов на трансграничных водотоках. Не менее острым является вопрос распределения имеющегося стока. Как было сказано выше, суммарная реализация национальных программ развития орошаемого земледелия к 2025 году потребует, как минимум, в полтора раза больше воды, чем ее есть сейчас в наличии в бассейне Аральского моря.

На данный момент, несмотря на созданные при международной финансовой помощи межгосударственные структуры, каждая из пяти стран преследует свои национальные интересы, которые вполне конкретизированы и прописаны в соответствующих программах национального развития. Что касается интересов общерегиональных, то с одной стороны они вроде бы как ясны, однако до сих пор являются лишь содержанием политических деклараций. Какого-либо межгосударственного соглашения, в котором были бы четко сформулированы и перечислены региональные интересы, принимаемые всеми пятью странами и согласующиеся с национальными интересами каждой из них, на данный момент не существует.

18.02.1992 года в Алма-Ате главами водохозяйственных структур пяти государств было подписано **Соглашение** о сов местном управлении трансграничными водными ресурсами. В рамках этого соглашения

создается МКВК Центральной Азии и исполнительные органы МКВК - Бассейновое водохозяйственное объединение (БВО) «Сырдарья» и БВО «Амударья».

Как было упомянуто выше, принятая структура управления трансграничными водными ресурсами немногим отличается от действовавшей на стыке 50-х и 60-х годов прошлого столетия опять же советской системы «СредАзСовНарХоза», который сосредоточил в своих руках вопросы распределения воды между Киргизской, Узбекской, Таджикской, Туркменской ССР и Чимкентской областью Казахской ССР.

При этом деятельность МКВК постоянно сопровождают трения, взаимные упреки и дразги, не способствующие решению существующих противоречий. Однако с точки зрения взаимодействия с иностранными донорами созданная структура, по всей видимости, доказала свою пригодность. По крайней мере, по существующим оценкам за годы ее существования через нее, так или иначе, было освоено более 300 млн. долларов США. С точки зрения разрешения противоречий по поводу совместного использования трансграничных водных ресурсов ее эффективность – остается вопросом открытым.

В 1993г. главы государств ЦА своим Решением создали Международный фонд спасения Арала (МФСА). Одновременно с ним создан Межгосударственный совет по проблемам бассейна Аральского моря (МГСА) и его исполнительный комитет. Первое заседание МГСА состоялось 13.07.1993г. (Ташкент), последнее (шестое) - 27.02.1997г. (Алма-Ата), который после был объединен с МФСА. На последнем заседании главами государств было принято решение о реорганизации структуры МФСА, а МГСА и МФСА были объединены.

Создание перечисленных структур, безусловно, способствовало предотвращению региональных водных конфликтов. Необходимо также отметить, что в большинстве своем состав данных структур определяют не политики, а «технари»-профессионалы, которым даже в периоды маловодья удается разрешать сложнейшую ситуацию, и благодаря которым не произошло обвального разрушения сложившейся в советское время системы межгосударственного вододеления.

МФСА регулярно проводятся встречи и конференции при поддержке и активном участии международных доноров, в том числе и на самом высоком уровне. Однако к сожалению, несмотря на создание Международного фонда по спасению Арала, исполнительного комитета МФСА, Межгосударственной координационной водохозяйственной комиссии и громкие официальные заявления, каждая страна центрально-азиатского региона продолжает самостоятельно решать водные проблемы.

Прошедший в апреле 2009 года в Алма-Ате саммит глав государств-учредителей МФСА, по сути, явился очередным тому подтверждением. На политическом уровне была в очередной раз задекларирована обеспокоенность умиранием Арала, однако по своему основному содержанию саммит еще больше обострил взаимоотношения между странами «верховья» и «низовья».

В адрес указанных структур периодически звучат претензии, которые в основном заключаются в том, что:

- в деятельности структур много параллельных и дублирующих функций, до сих пор не проведено определение и четкое разграничение функциональных обязанностей выше указанных структур;
- отсутствует достаточная прозрачность по поводу расходования финансовых средств, поступающих по линии донорского сообщества, до сих пор не приняты одобренные всеми правилами отчетности;
- отсутствуют механизмы реализации принятых решений;
- отстаивание преимущественно интересов Узбекистана, зачастую за счет интересов иных стран;
- односторонность структур - недостаточное присутствие в структурах МФСА энергетиков, его расширению препятствует Узбекистан;

Необходимо отметить, что с момента распада СССР различного рода международные агентства и фонды проявили завидный интерес к процессу урегулирования противоречий в совместном использовании трансграничных водных ресурсов ЦА. При этом оценка конкретной донорской помощи выглядит неоднозначной.

С одной стороны, суммарный положительный эффект усилий международных организаций очевиден. Благодаря целевым грантам и кредитам частично удалось предотвратить обвальную деградацию водохозяйственной структуры. Как существенный вклад можно также расценить внедрение компьютеризации и современных информационных технологий. При этом если изначально (в период реализации ПБАМ-1 – в 1994-1998 г.г.) зачастую консультантами ряда международных программ являлись «эксперты», чья квалификация вызвала откровенный скепсис у местных профессионалов, то в дальнейшем количество явных «прожектов» в ходе реализации ПБАМ-2 уже значительно сократилось.

Однако, нельзя не заметить, что деятельность международных финансовых институтов умело совмещалась с определенными политическими рекомендациями и условиями. При этом ни один из проектов не предусматривал значительных инвестиций в разработку и освоение наукоемких технологий, реабилитацию производственных мощностей предприятий, которые в конечном итоге способствовали бы ускоренной модернизации водохозяйственной структуры. Программы международной помощи имели особо нескрываемый политический подтекст. При этом видится необходимым сделать маленькое отступление и напомнить, что, начиная с Конференции ООН по окружающей среде в Стокгольме (1972 г.), можно говорить о **начале явной политизации** экологических проблем. Последующие международные саммиты, такие как Конференция ООН по окружающей среде в Рио-де-Жанейро (1992), Саммит Тысячелетия под эгидой ООН (2000 г.), Всемирный Саммит по устойчивому развитию (ВСУР) в Йоханнесбурге (2002) «градус» данной политизации, в том числе вопросов, касающихся использования трансграничных водных ресурсов, только повышали.

Безусловно – трагедия Арала, является элементом международной экологической безопасности. Но, как было сказано ранее, отнюдь не единственным в современном мире. Уже упоминавшееся озеро Чад, загубленное транснациональными корпорациями, а также колониальной политикой правительств Франции и Великобритании – является одним из примеров. При этом вокруг озера Чад, превратившегося в большую лужу, живет более ста миллионов человек, а само озеро располагается на стыке четырех государств. Тем не менее именно ситуация вокруг Арала, загубленного «империей зла», является уже на протяжении четырех десятков лет постоянным информационным поводом для критики в адрес России. И не важно, что уже 20 лет, как нет Советского Союза.

Но дело было не только в стремлении дискредитировать «колониальную» политику Кремля. Зачастую необходимым условием предоставления кредитов международные финансовые организации на постсоветском пространстве, включая республики Средней Азии, выставляли необходимость проведения ускоренной приватизации и разгосударствления. При этом, если мировые производители зерна – США, Канада, Китай, а также хлопка – США и Китай, как были, так и продолжили ориентацию на крупномасштабный уровень земледелия и высокий уровень механизации, рекомендации для государств Средней Азии были направлены на уничтожение больших сельскохозяйственных производств. В результате производительность орошаемого земледелия резко упала, единая ирригационная система начала сыпаться на глазах, что к тому же совпало с резким снижением мировых цен на продукцию сельского хозяйства.

Региональные эксперты отмечают, что международные доноры серьезным образом отличаются друг от друга и условно их можно подразделить на две большие группы:

- тех, кто работают бескорыстно, и местных специалистов расценивают в качестве полноправных партнеров. Этим отличаются проекты, которые спонсируются SDC (Швейцарское Агентство Развития и сотрудничества), CIDA (Канадское Агентство развития), правительство Голландии, Азиатский Банк Развития, Рамочные Программы Евросоюза (« FP 5», « FP 6») INTAS (Международная Ассоциация по содействию сотрудничеству с учеными ННГ)

- тех, кто при финансировании выставляет политические, экономические и другие условия, навязывает свои приоритеты, не доверяет местным специалистам, обставляет эту помощь такими условностями, что в результате до 80% помощи фактически возвращается к самим донорам в виде оплаты их консультантов, их оборудования и через прочие схемы. Как правило, проекты данных доноров не ориентированы на конечный результат. По мнению ряда авторитетных экспертов, финансирование проектов, такими как GEF, Всемирный Банк, USAID, TESIS, ПРООН, зачастую, так или иначе, сопровождается дополнительными политизированными условиями.

Отдельным пунктом стоят проекты, финансируемые Германским агентством по техническому сотрудничеству, которые требуют отдельного дополнительного изучения, перед тем как делать по ним те, или иные выводы.

Таким образом, местные эксперты заключают, что открытость до этого не идеологизированного водохозяйственного комплекса региона способствовала, с одной стороны научно-техническому и технологическому движению вперед, но с другой – в определенной степени отразилась разрушительно на устойчивости водного хозяйства и орошаемого земледелия в целом, кроме того, способствовала политизации всего, что связано с трансграничными водными ресурсами.

На данный же момент о тсутствие единой для всех стран региона позиции по строительству ГЭС является серьезным препятствием для участия внешних инвесторов в финансировании проектов. Без привлечения внешнего финансирования ни Кыргызстан, ни Таджикистан освоить свои гидроэнергетические потенциалы не в состоянии. Некоторое исключение составляют проекты малой гидроэнергетики. Однако при всей их важности для решения вопроса обеспечения энергоснабжения внутри страны на экспортный потенциал существенного влияния они оказать не в состоянии. Да и на их реализацию так же нужны немалые заемные средства. Принципиальным условием привлечения международных финансовых институтов (Всемирного банка, АБР и других аналогичных) является уведомление о намерениях и отсутствие возражений со стороны стран нижнего течения относительно проектов строительства ГЭС. Строительство же крупных

гидроэнергетических объектов без предварительных консультаций и соглашений с соседними странами, интересы которых затрагиваются, могло бы быть только при соблюдении следующих условий:

- проект финансируется исключительно из собственных средств без привлечения займов международных институтов и стран-инвесторов;
- между поставщиками услуг, материалов, оборудования и местом строительства ГЭС не существует транзитной страны, интересы которой могут быть нарушены при реализации проекта;
- вырабатываемая электроэнергия потребляется на внутреннем платежеспособном рынке, обеспечивающем возврат инвестиций в строительство, либо маршруты экспорта электроэнергии не проходят через территорию страны, интересы которой могут быть нарушены при реализации проекта;
- экспортно-импортная зависимость страны реализации проекта от стран, интересы которых могут быть нарушены, минимальна и не чувствительна;
- отсутствует транспортно-коммуникационная зависимость страны реализации проекта от стран, чьи интересы могут быть нарушены.

Таким образом, Кыргызстан и Таджикистан реализовать свои крупные гидроэнергетические проекты без согласования со странами «низовья» не могут. Таким образом, сотрудничества со странами «низовья» добиваться придется, так как его наличие является позитивным сигналом для международных инвесторов и снижает риски возникновения кризисных ситуаций в дальнейшем. Тем более, что примеры межгосударственного сотрудничества при освоении гидроэнергетического потенциала (например, бассейнов рек Сенегал, Ла-Плата) имеются.

Поэтому видится необходимым серьезным образом активизировать обсуждение политических, экономических и природно-климатических факторов использования трансграничных водных ресурсов региона. При этом необходимо отказаться от практики противопоставления орошаемого земледелия развитию использования гидроэнергетического потенциала региона, раз, за разом продвигая тезис о том, что сельское хозяйство, наряду с промышленностью, само является наиболее энергоемкой отраслью и без планомерного и динамичного развития гидроэнергетики не может быть обеспечена продовольственная безопасность региона. Дальнейшее же противопоставление гидроэнергетики и орошаемого земледелия, которое наблюдается весь период с момента распада СССР, ведет к углублению конкуренции за воду, создавая серьезную напряженность межгосударственных отношений.

Об авторе: Андрей Медведев -исполнительный директор АНО «Центр политических технологий «ПолитКонтакт»

Постоянный адрес статьи: http://www.j-eeen.com/news_view/702/